

УДК 81'22:811.161.1.37

DOI: 10.37482/2687-1505-V281

*ЗАГУМЕННОВ Александр Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Вологодской духовной семинарии. Автор 60 научных публикаций, в т. ч. 6 коллективных монографий и 2 учебных пособий-хрестоматий**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2440-3918>

ОБ ОФОРМЛЕНИИ КОМБИНАЦИЙ НОЭМ ПОСРЕДСТВОМ СЛОЖНЫХ СЛОВ: ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья представляет собой применение идей и положений, разработанных Г.И. Богиним (руководитель Тверской герменевтической группы, основатель теории языковой личности) к историческому лингвистическому материалу. Ключевое понятие в исследовании – ноэма – определяется как «минимальная единица смысла», которая редко обнаруживается в чистом виде, но чаще встречается в составе комбинаций с другими минимальными единицами смысла. Из «Жития» Епифания Соловецкого, текст которого находится в «Пустозерском сборнике» И.Н. Заволоко, приемом сплошной выборки выделено 261 употребление сложных слов. Применяя при этом сравнение, аналогию, методику феноменологической редукции и метод контекстного анализа, мы получили две последовательности по первым корням. Одна из них оформляет движение от количественно большего корпуса сложных слов к количественно меньшему (Бог-, Благ-, Рук-, Зло-/Пол-, Пуст-), а вторая – наоборот – от меньшего к большему (Добр-/Три-, Пред-/Преж-, Все-, Мног-/Жив-, Пуст-). В результате предпринятых шагов удалось установить, что слова с первым элементом Пуст- являются, во-первых, центральным компонентом во всем полученном лексическом корпусе, а во-вторых, напрямую связаны с языковой личностью самого Епифания Соловецкого. Далее вторые корни, взятые как бы изолированно в установке феноменологической редукции, были сгруппированы по трем рубрикам. После данного шага полученные смысловые комплексы были экстраполированы на контексты с употреблением сложного слова с первым элементом Пуст-. Удалось установить, что именно данные композиты оказываются одной из смысловых осей повествования о пережитых муках в ссылке.

Ключевые слова: сложное слово, ноэма, языковая личность, феноменология, герменевтика, Епифаний Соловецкий.

*Адрес: 160901, г. Вологда, ул. Монастырская, д. 2; e-mail: zaw1991@mail.ru

Для цитирования: Загуменнов А.В. Об оформлении комбинаций ноэм посредством сложных слов: лингвоперсонологический аспект // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 4. С. 53–63. DOI: 10.37482/2687-1505-V281

Введение

История изучения особых смысловых единиц – нозм – корнями уходит в начало XX века и связана со становлением феноменологической философии [1–4]. Г.Г. Шпет, интерпретируя публикации Э. Гуссерля, писал, что «многообразным данным реального, нозмического содержания соответствует многообразие данных, выступающих в чистой интуиции, в коррелятивных “нозматических содержаниях” или нозмах» [5, с. 125]. В этой версии объяснения (в трудах Э. Гуссерля и его интерпретаторов это лишь одно из возможных) мы сталкиваемся с особой смысловой структурой, предполагающей «предметно воспринимаемое» в восприятии, «предметно воспоминаемое» в воспоминании и даже, гипотетически, «предметно воображаемое» в фантазировании.

В область языкознания данная тема и размышления по этому поводу были внедрены А.Ф. Лосевым. В его трудах вводится разграничение первичной «чистой нозмы» («понимаемая предметность, понимание предметности, взятое как смысловой снимок с понимаемых актов» [6, с. 640]) и надстройки над ней в виде «семемь» (стихия «субъективно-индивидуального отношения (понимания, интенции и пр.) к предмету в слове» [6, с. 640]). Это позволило мыслителю многократно усложнить само понимание как предмет изучения, затронув и то, что традиционно относится к «экстралингвистическим» факторам в толковании слова.

«Переоткрытие» нозмы произошло в трудах Тверской герменевтической группы «Московского методологического кружка», идейным вдохновителем которой был Г.И. Богин. Для него нозма – «минимальная единица смысла», где смысл, вслед за Г.П. Щедровицким, интерпретируется как общая соотнесенность и связь «всех относящихся к ситуации явлений» [7]; нозма – «интенциональная сущность», «наиболее дробное идеальное образование, способное формировать смысл как систему» [7]. Термин этот в трудах Г.И. Богина попал из англоязычных переводов Э. Гуссерля, но не остался без изменений. «Нозма» как сложная структура с

ядром и интенциональной направленностью была сведена в рамках его концепции до «кванта смысла», который в чистом виде практически не встречается, а потому в рефлексивной реальности мы оперируем не чем-то единичным, а некоторой совокупностью этих единиц. Именно труды Г.И. Богина оформили две конкурирующие концепции: феноменологическую филологическую герменевтику [8] и феноменологическую диалектику [9].

Указанные теоретико-методологические разработки объединяет интерпретация понятия «нозма» как «кванта смысла». К сожалению, различий у этих концепций в разы больше. Феноменологическая филологическая герменевтика – результат осмысления немецкоязычного «философского дискурса», эклектично сочетающий в себе герменевтику и феноменологию с когнитивной лингвистикой. Это теоретическое решение было адекватным при анализе окказионализмов в тексте М. Хайдеггера, поскольку у последнего была установка на вскрытие творческих потенций единиц языка как деятельности с их структурно-семантическим усложнением. Достаточно упомянуть, что Э. Гуссерль на полях «Бытия и Времени» писал: «все становится глубокомысленно неясным и философски теряет свою ценность» [10, с. 124]. Впрочем, именно благодаря эклектике разработки С.Н. Бредихина теперь можно спорить с данным утверждением.

В соответствии со второй концепцией, феноменологическая диалектика – фундаментальное обобщение многолетних теоретико-методологических поисков и оформление «феноменологической лингвистики» как самостоятельного направления. Примечательно, что книга З.Я. Кармановой «Принципы феноменологической лингвистики» [9] очень схожа по генеральным опорным точкам с предыдущими координатами: те же философские основания, но когнитивные науки в самом широком смысле, вплоть до нейрофизиологии. При этом очевидно, что десятимодульная модель слова [9, с. 72] и герменевтико-нозмический метод [8], при общности некоторых позиций, требуют совершенно противоположных теоретико-методологических

решений. Ко всему прочему, ни первая, ни вторая из упомянутых концепций не были созданы не только «для», но и «при» анализе исторического русскоязычного лингвистического материала. В этом нам видится актуальность данной статьи, поскольку мы, в самом первом приближении, очерчиваем контуры еще одного подхода.

В его основе – внимание к языковой личности, т. е. к человеку «с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [11, с. 5]. Эта позиция объединяет концепцию С.Н. Бредихина [8] с позицией З.Я. Кармановой («Рассмотрение слова безотносительно его онтологических корней, т. е. вне его радикального контекста – языковой личности и ее сознания, – когнитивный нонсенс» [9, с. 28]). При этом сам Г.И. Богин указывал, что «языковая личность, смыслообразование, рефлексия, понимание <...> поддаются также диахроническому анализу» [12, с. 4]. Добавим от себя: диахронический анализ языковой личности сопровождается реконструкцией «сонма нозм» (С.Н. Бредихин) с возможной опорой на лексический корпус дошедших текстов. Ни Г.Г. Шпет, ни А.Ф. Лосев, ни Г.И. Богин не ставили под сомнение, что смысловые структуры в равной степени принадлежат и продуценту, и реципиенту. Но что есть нозма в диахроническом подходе? Адекватно на этот вопрос можно ответить апофатически.

Нозма не сема в строгом понимании этих терминов. Это разделение было высказано не только А.Ф. Лосевым, но (в формате примечания) предлагалось Л.А. Новиковым в книге «Семантика русского языка» (1982) [13]. Даже если не разделять точку зрения об иерархичности этих единиц, приходится признать их «рефлексивную среду обитания».

Нозма не концепт как *conceptus* (=понятие), нозма не концепт как *conceptum* (=зерно перво-смысла). Данное разделение обнаруживается и в трудах В.В. Колесова [14], и в работах лингвистов-когнитологов. Впрочем, не прекращаются попыт-

ки соединить понятие нозмы с представлениями о структуре концепта [15; 8]. В логике разработок Г.И. Богина «квант смысла» может входить и в объем понятия (*conceptus*), а последнее – в объем завершеного высказывания, и в череду содержательных форм реализации *conceptum*'а. Тем не менее руководитель Тверской герменевтической группы, заставший две «волны» когнитивной лингвистики, не пошел на синтез своей разработки с данным направлением. И мы – в первом приближении – придерживаемся той же стратегии.

Целью исследования мы ставим адаптацию теоретико-методологических разработок в области нозмы Г.И. Богина к тексту идеолога старообрядчества XVII столетия. При этом соблюдается принцип, характерный для работы в рамках «Московского методологического кружка»: материал обуславливает исследовательские решения.

Материалы и методы

Из «Пустозерского сборника» Н.И. Заволоко¹ анализируются две части «Жития» последней трети XVII века. Авторство принадлежит Епифанию, бывшему иноку Соловецкого монастыря и духовному отцу протопопа Аввакума. На момент создания текста он находился в тюрьме в Пустозерске с другими идеологами старообрядчества (Аввакумом, диаконом Федором Ивановым и попом Лазарем).

Из «Жития» методом сплошной выборки получено 261 употребление композитов. Этот корпус использовался в качестве опорного при реконструкции нозматических комбинаций по целому ряду причин. Во-первых, сложным словам приписывается внутренний синтаксис [16]. Во-вторых, именно корневые морфемы оказываются «смыслонесущей» конструкцией в разных языковых типах [17]. В-третьих, выбор именно слов как ключевых единиц частичной реконструкции внутреннего мира Епифания Соловецкого обусловлен самой практикой лингвоперсоналогического моделирования, будь то анализ в диахронии [18] или же фиксация те-

¹Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания / сост. И.Н. Заволоко. Л.: Наука, 1975. 263 с.

кущего момента в коммуникации [19–23]. Таким образом, методологическая база исследования включает методы сплошной выборки, сравнения, аналогии, прием феноменологической редукции и контекстный анализ. При этом необходимо ввести три аксиоматических положения, задающих вектор понимания осуществляемой работы.

1. В рамках нашего исследования для нозмы как кванта общей соотнесенности и связи «всех относящихся к ситуации явлений» (Г.П. Щедровицкий) самой «ситуацией» выступают и текст «Жития», и группировка с опорой на редуцированные состояния словоформ, и реконструкция языковой личности в целом.

2. Поскольку понимание интерсубъективно, то исследуемые группировки нозм выступают не как нечто физически данное, а как гипотетическое содержимое некоторого конструкта, анализируемого диахронически. Условно это положение можно представить в виде схемы на (рис. 1).

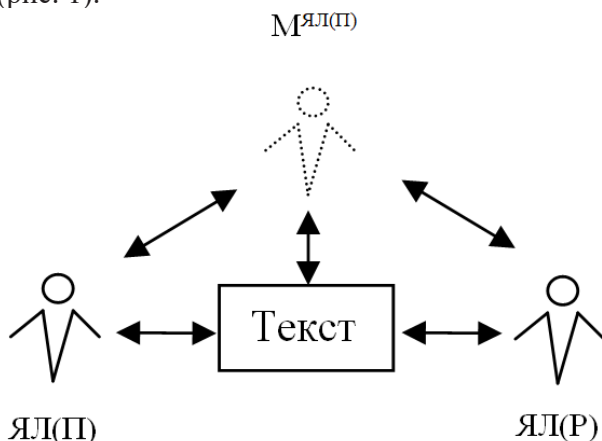

Рис. 1. Принцип работы с нозмами

Fig. 1. Principle of working with noemata

На приведенном изображении ЯЛ(П) – языковая личность продуцента текста, ЯЛ(Р) – языковая личность реципиента-исследователя, М^{ЯЛ(П)} – модель языковой личности продуцента, соотносимая с жившим когда-то «оригиналом» в рамках избранной нами установки. Эта схема объясняет и первое аксиоматическое положение: ситуация моделирования может поддер-

живать нозматические группировки как динамические образования.

3. Поскольку «понимание и говорение только разные действия одной и той же языковой способности» [24, с. 333], реконструируемые нами нозматические группы лишь *намекы на таковыы* у языковой личности Епифания.

Данные аксиоматические положения обусловили следующий порядок исследовательских процедур. На первом этапе подвергается редукции все слово вплоть до первого корня, формируя систему предпочтений личности по выделенному элементу. После этого осуществляются группировки по количественному критерию, образуя последовательность от «большого» лексического корпуса к «меньшему». Далее описываются первые пять доминантных лексических корпусов по количеству употреблений. После этого анализируются периферийные группы слов (от меньшей к большей), образуя, метафорически выражаясь, встречное движение выделенных элементов друг к другу. Происходит фиксация в табличном представлении осуществленных операций.

На втором этапе обратная процедура – редуцируется весь состав слов, оставляется второй корень. В этой установке смысловые потенции схвачены в моменте подвижности, неопределенности, как сущности, присутствующие в сознании языковой личности, но «размытые» в конечном результате письма. Далее объединяются вторые корни в редуцированном состоянии под соответствующие рубрики, причем эта деятельность проводится и для доминантных, и для периферийных лексических корпусов.

Оговоримся, что выделенных объемов статьи оказалось недостаточно для приведения всего перечня словоупотреблений. По этой причине детальный анализ с привлечением контекстов проводится только для конкретной группы примеров с первым элементом Пуст-.

Результаты

Итогом описанного выше распределения на первом этапе исследования является следующая конфигурация сложных слов по первому корню (табл. 1).

Таблица 1

**КОЛИЧЕСТВО УПОТРЕБЛЕНИЙ ПЯТИ
ДОМИНИРУЮЩИХ ГРУПП СЛОЖНЫХ СЛОВ
ПО ПЕРВОМУ КОРНЮ (ПО УБЫВАНИЮ)**

**NUMBER OF USES OF FIVE DOMINANT
GROUPS OF COMPOUND WORDS
BY THE FIRST ROOT (IN DESCENDING ORDER)**

Первый корень				
Бог-	Благ-	Рук-	Зло-/Пол-	Пуст-
113	52	17	9	8

Приведенные результаты требуют комментария. Как нам известно, это – итог редукции, но каждая группировка по первому корню (верхняя строка в таблице) выявлена из разнообразия сочетаний со вторыми корнями. Для Бог-, например, бог+род – б(огороди)цы; бог+люб – б(о)голюбиваго; бог+зна(м) – б(о)гознамений; бог+мудр – б(о)гомудренин; Бог+нос – б(о)гоносных. В свою очередь Благ- встречается в следующих сочетаниях: благ+слов – бл(а)г(о)с(ло)ви; благ+да(ти) – бл(а)годат(ь); благ+дар – бл(а)годаря, благ+чест – бл(а)гочестивой; благ+вест – бл(а)говѣстити, благ+твор – бл(а)госотворенное. Последнее слово из перечисленных отсутствует в «Словаре русского языка XI–XVII вв.», который, однако, фиксирует только глагол «благосотворити» со значением ‘сотворить’¹. В контексте «Жития» Епифания – «Не имѣю во прѣтворѣніи бл҃госотворѣнное мною ничто, но сїи ма рѣ пречтѣла вѣцы, и сїго аг҃ла хранителя» – значение у прилагательного можно определить как ‘сотворенное не во вред и без нарушения религиозных предписаний’. Отметим, что в трудах А.Ф. Лосева обращение к словарю рассматривается как фиксация ноэтического компонента смысловой структуры слова. Насколько эта точка зрения близка координатам Г.И. Богина – вопрос дискуссионный.

Третья колонка представлена не столь значительным разнообразием сочетаний (рук+дел – рукодѣлие; рук+твор – нерукотворенному.

По 9 употреблений (четвертый столбец в таблице) набрали сразу две группы, одна из них с первым корнем зло- (зло+де(й) – злодѣвъ; зло+чест – злочестивымь), другая – пол- (пол+но(ч/щ) – полунощи, пол+голов – полуголова; пол+верст: полверсты, пол+саж(ень) – полсажени, пол+сут(ки) – полсуток). Количественное равенство двух этих лексических массивов вынудило объединить их в одну колонку при представлении результатов.

Таким образом, последняя из числа доминирующих группа по первому корню – пуст- – включает всего одно сочетание, давшее и атрибут (Пустоозерскаго), и субстантив (Пустоозерье). В случае, если бы это был простой повтор одного и того же слова, мы бы не выделили этот массив как самостоятельный.

Результаты обратного (от меньшей лексической группы к большей) распределения также представим в виде таблицы ниже (табл. 2).

Таблица 2

**КОЛИЧЕСТВО УПОТРЕБЛЕНИЙ ПЯТИ
НАИМЕНЕЕ ДОМИНИРУЮЩИХ ГРУПП
СЛОЖНЫХ СЛОВ ПО ПЕРВОМУ КОРНЮ
(ПО ВОЗРАСТАНИЮ)**

**NUMBER OF USES OF FIVE LEAST DOMINANT
GROUPS OF COMPOUND WORDS BY
THE FIRST ROOT (IN ASCENDING ORDER)**

Первый корень				
Добр-/Три-	Пред-/Преж-	Все-	Мног-/Жив-	Пуст-
2	3	4	5	8

Предпринятый нами шаг позволил получить крайне неординарную картину, требующую конкретизировать полученные итоги подсчетов. В первой колонке таблицы сразу две группы набрали одинаковое количество употреблений. Одна из них с первым элементом Добр- (добр+глас – доброгласныи; добр+ де(тель) – добродѣтелими, другая – с Три- (три + десять – тридесяти; три + крат – трикратное). Вторая колонка представле-

¹Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М., 1975. 371 с.

на комплексом слов с корнем пред/преж- (Пред-/Преж- + тек/ч – предотече; Пред-/Преж- + рек/ч – прежеченный, следующая – с первым элементом Все- – четырьмя сочетаниями (все + держ – вседержителю; все + мил – всем(и)л(о)ст(и)вому; все + хвал – всехвалных; все + чест – всечестное). Четвертый столбец также, как и первый, включает две группы с первым корнем Жив- (жив- + твор – животворящаго; жив + нос – живоносным) и мног- (мног + грех – многогрѣшный; мног + люд – многолюдень). Как утверждалось ранее, итог предпринятого шага позволил выявить некоторую парадоксальность «Жития» из «Пустозерского сборника» Н.И. Заволоко. Последним комплексом слов в очерченных нами границах оказывается тот, что замыкал пять наиболее доминантных групп (рис. 2).

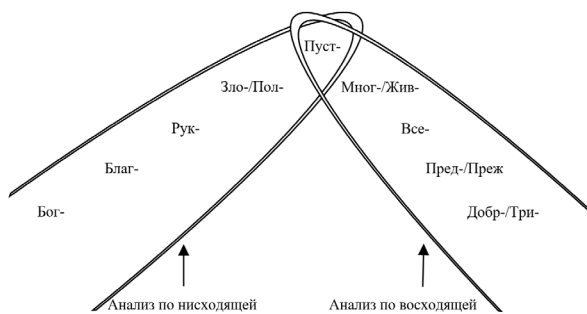

Рис. 2. Центральный компонент системы сложных слов в «Житии» Епифания

Fig. 2. Central component of the system of compound words in the *Life* of Epiphanius

Рубрикация вторых элементов сложных слов в редуцированном состоянии проводилась и для количественно ведущих, и для периферийных лексических совокупностей. Фиксация этой процедуры предлагается нами в виде записи «(сочетания вторых корней) – *[Имя-обобщение реконструируемой нозматической комбинации]». Первая группировка выглядит следующим образом:

- (-держ-) – *[Власть];
- (-ноч-, -сут-) – *[Время];
- (-чин-, -голов-) – *[Иерархия];
- (-десят-, -крат-) – *[Исчисление];
- (-люд-, -род-) – *[Совокупность];
- (-верст-, -саж(ень), -озер-) – *[Место];
- (-глас-, -слов-, -хвал-) – *[Слово];
- (-да-, -нос-, -дар-, -тек-) – *[Движение I];
- (-твор-, -де(л)-, -де(й)-) – *[Воздействие/Движение II].

Оформление записи (-глас-, -слов-, -хвал-) – *[Слово] потребовало обращения к этимологическим словарям. Ряд реконструкций² сводится к признанию «слова» как стабильной сущности, внешне данной. Параллели до праславянского периода сопрягаются с услышанной или высказанной оценкой. Из 27 бытовавших в древнерусский период значений лексемы к XVII столетию сохранились ‘то, что сказано, слово; речь’, ‘красноречие’ как дар слова, ‘предвечный образ Божий’, ‘ответ; отчет’, ‘надпись’, ‘сочинение, литературное произведение’, ‘приказ’, ‘договор’, ‘обещание’, ‘обвинение’, ‘наборный шрифт литеры’. При этом все три элемента в редукции (-глас-, -слов-, -хвал-) ассоциируются со «словом», даром речи и языка.

Также поясним в рубрикации запись (-твор-, -де(л)-, -де(й)-) – *[Воздействие/Движение II]. С одной стороны, схваченная в неопределенности, данная комбинация в конечной реализации предполагает не стихийное, а личностное воздействие/участие (рукодѣлие; нерукотворенному (с отрицанием «человеческого участия»); добродѣтелями, злодѣевъ). С другой – комбинацию можно интерпретировать как переход из одной онтологии в другую. В теологической традиции русской православной церкви утверждается о днях *творения*, создании мира из ничего. *Деяние* представляет собой совершение чего-то, что ранее отсутствовало. *Дар* приносят как уже нечто существующее, движимое от одного владельца к другому. Вероятнее все-

²Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1914–1916. С. 328–330; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1987. С. 673.

го, в последующих работах предстоит детализировать этот комплекс.

Следующая рубрика содержит всего одну запись: (-мудр-, -зна(м)-, -вест-) – *[Мыслительное содержание]; третья (она же последняя) содержит пересечение: ((зло)-чест-, -грех-) – *[Зло], (-чест-, -мил-) – *[Благо]. Обращение к этимологическим словарям частично объясняет полученный результат. «Честь» – *čьсть: ст.-слав. чьсть <...> Родственно др.-инд. citti- ж.р. ‘мышление, понимание, намерение’, авест. čisti- ‘мышление, понимание’³. Вероятно, слово изначально было близко ко второй рубрике нозматических комбинаций, однако в праславянский период и вплоть до XVII века – подчеркнута оценочно. Причем с первым элементом зло-однокоренные слова встречаются с XI века⁴, а потому «двоение» (бл(а)гочестивой, злочестивымъ) – -чест- не окказионализм, а прецедент.

Каждая из трех полученных нами рубрик представляет собой осмысление определенного аспекта действительности. Первая группировка затрагивает внешний мир человека и фиксирует изменения в нем. Вторая рубрика о человеке, его «душе» и «намерениях», третья – о нем же, но с позиций аксиологического эталона, установленного в общности людей. Примечательно, что полученное через филологическую герменевтику распределение коррелирует с классическими триадами реалистического мировоззрения (условие–причина–цель, тело–душа–дух [14]) и, частично, с положением К. Маркса и В.И. Ленина о взаимном соответствии гносеологии, онтологии и логики [17], хотя и с оговорками.

«Перенесем» содержание трех полученных рубрик на контексты употребления сложных слов с первым элементом Пуст-. Особое «количественное» положение указанных композитов, возможно, лишь формальный показатель корреляции этих единиц со всей сетью опредмеченных в лексике нозматических комбинаций.

«Ѣгда^{°[Время]} на^{°[Совокупность]} нобыа^{°[Время]} мучители
никониана^{°[Зло]} възали, и те^{°[Место]} ницк^{°[Место]}, и за ст^{°[Место]} в^{°[Место]} кр^{°[Место]}
х^{°[Место]} в^{°[Место]}у прѣвѣ^{°[Место]} на^{°[Совокупность]} родо^{°[Совокупность]} п^{°[Место]}сто^{°[Место]}зерски^{°[Место]}мъ
от^{°[Место]}г^{°[Место]}к^{°[Место]}оша на^{°[Совокупность]} р^{°[Место]}уки, и от^{°[Место]}р^{°[Место]}ѣзаша ѡзыки».

В представленном фрагменте – содержательно – упомянут эпизод второй казни над иноком Епифанием, диаконом Федором Ивановым и попом Лазарем. Гипотетические нозматические структуры, полученные нами в ходе операций с композитами, переоформируются на уровне текста, причем затрагивая все ярусы грамматической системы. Наречие со значением времени Ѣгда, выполняющее синтаксическую роль обстоятельственного детерминанта, не определяет еще темпоральную локализованность высказывания. Нозматическая комбинация *[Время] вступает в корреляцию и с лексическим значением (нобыа как недавно появившиеся по времени), и с формами прошедшего времени възали, отгкк^{°[Место]}оша, отрѣзаша. Причем водораздел в употреблении (могло быть *взяли, *отсекли, *отрезали) для языковой личности проходит между тюремным бытом (възали, и те^{°[Место]} ницк^{°[Место]}) и значимым моментом в личностном бытии (отгкк^{°[Место]}оша на^{°[Совокупность]} р^{°[Место]}уки, и отрѣзаша ѡзыки).

Композиционно прошлый отрывок предшествует рассказу о самом попадании в Пустозерск – «Ѣ по трѣ^{°[Время]} анѣ^{°[Время]} пове^{°[Место]}з^{°[Место]}оша на^{°[Совокупность]} в заточѣн^{°[Место]}іе, в п^{°[Место]}у^{°[Место]}то^{°[Место]}озер^{°[Место]}ьѣ^{°[Место]} вѣ^{°[Место]}тъ^{°[Место]} ч^{°[Место]}ет^{°[Место]}вер^{°[Место]}ы, възк^{°[Совокупность]}уп^{°[Совокупность]}к^{°[Совокупность]}; Ѣ в п^{°[Место]}у^{°[Место]}то^{°[Место]}озер^{°[Место]}ьѣ^{°[Место]} поса^{°[Совокупность]}д^{°[Совокупность]}иша на^{°[Совокупность]} в темн^{°[Место]}иц^{°[Место]}а ... Ѣ по^{°[Место]}р^{°[Место]}ѣд^{°[Место]}и^{°[Место]} всего народа^{°[Совокупность]} п^{°[Место]}у^{°[Место]}то^{°[Место]}озер^{°[Место]}скаго^{°[Место]}, по^{°[Место]}ст^{°[Место]}авиша на^{°[Совокупность]}», там же встречаем вновь упоминание страданий и казни в Пустозерске. Примечательно, что в данном фрагменте для языковой личности недостаточно указать на ее «не-единственность» в сложившихся обстоятельствах. Причем вскрывается некоторая асимметрия, вызванная сопряжением нескольких нозматических комбинаций. В частно-

³Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Вып. 4 / под ред. О.Н. Трубачева. М., 1977. С. 175–176.

⁴Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6. М., 1979. С. 35–36.

сти, грамматические категории множественного числа в формах аориста (повезо́ша, погладѣ́ша, поста́виша) и местоимений (на́), лексическая семантика (всѣ́, възкѣ́пѣ с синтаксическим обособлением, что влияет и на тонику высказывания; всего народа) коррелируют с *[Совокупность]. Однако весь инструментарий описания «неединственности» дробится включением нозматической комбинации *[Исчисление], намеком на которую оказывается лексика (по тре́х, четве́рых). Языковой личностью вносится уточнение: он – один из коллектива страдальцев, и потому не один; их (страдальцев) – немного, хотя они не одни.

Прерывает эту череду воспоминаний сон, в котором инок Епифаний получает по своим молитвам язык во сне. «Ѡ́ ви́жю о́ лѣ́вюю страну́ менѣ́, на во́дѣхѣ^{°[Место]} лежа́т два́^{°[Исчисление]} мо́и ѡ́зѣ́ра, мо́сковской, и пу́стоозѣ́рской, ма́ло по́выше менѣ́;^{°[Место]} мо́сковской^{°[Место]} не са́мо краси́нѣ, но блѣ́днова́т, ѡ́ пу́стоозѣ́рской^{°[Место]}, сѣ́лѣо́ краси́шенекъ^{°[Благо]}; ѡ́зѣ́ре грѣ́шныи^{°[Зло]} прѣ́теръ^{°[Движение I]} ру́ку мо́ю, лѣ́вюю, Ѡ́ взѣ́^{°[Движение I]} ру́кою мо́ею со во́дѣхѣ, пу́стоозѣ́рско^{°[Место]} мо́ю краси́ной ѡ́зѣ́рѣ, и положи́лѣ^{°[Движение I]} е́го на правѣ́ю мо́ю ру́ку». Содержательно приведенный фрагмент является частью описания чуда, когда язык, приложенный к месту среза, прирос, а сам Епифаний наяву также чудесным образом стал говорить. Напомним, что при характеристике первой рубрики фигурировала запись: (-глас-, -слов-, -хвал-) – *[Слово]. В приведенном фрагменте данная нозматическая комбинация раскрывается иначе: язык как дар слова, способность говорить, и Епифанию предстоит совершить выбор. Координаты описания предельно антитетичны: онейрическое состояние – бодрствование; «точка наблюдения» – точка расположения объекта (о́ лѣ́вюю страну́ менѣ́, на во́дѣхѣ, ма́ло по́выше менѣ́), блѣ́дный (мертвый?) – красный (живой?), Москва – Пустозерск, лево (ру́ку мо́ю, лѣ́вюю) – право (на правѣ́ю мо́ю ру́ку). Выбор Епифания, в высшей степени символический, опирается на нозматическую комбинацию *[Слово]. «Язык», положенный «на правѣ́ю мо́ю ру́ку», образует с нею

единство: правой рукой совершается крестное знамение у православных, которые страдают за свое исповедание веры и готовы словами отстаивать свою правоту.

Именно по этой причине повествование, которое должно было пойти дальше, через несколько листов совершает круг, и языковая личность снова вспоминает события, хронологически близкие к казни. «Ѡ́гда^{°[Время]} по́шли к на́^{°[Совокупность]} никони́ана нова́а мучи́тели^{°[Зло]} с мо́квы в пу́стоозѣ́рь^{°[Место]}, полу́голову^{°[Иерархия]} ѡ́вана ѡ́ла́гнна, со стре́цями^{°[Совокупность]}». В приведенном фрагменте можно было бы усилить дробление на реализацию нозматических комбинаций, однако обратим внимание на иное. Особый статус сложных слов с первым элементом Пусто- подчеркивается не только количественно, но и композиционно, с помощью внедренной в линейное повествование кольцевой композиции.

Заключение

и дальнейшие перспективы исследования

Адаптация теоретико-методологических разработок Г.И. Богина в области нозмы (и анализа ее форм проявления) позволяет под другим углом взглянуть на традиционный материал исторической лексикографии – сложные слова. Композиты в координатах Тверской герменевтической группы становятся опредмеченной, зафиксированной частью динамической смысловой системы носителя языка определенной эпохи.

Как минимум, вторые корни сложных слов в установке феноменологической редукции могут быть распределены по трем рубрикам: о мире вокруг личности ((-ноч-, -сут-) – *[Время], (-люд-, -род-) – *[Совокупность], (-верст-, -саж(ень), -озер-) – *[Место], (-глас-, -слов-, -хвал-) – *[Слово]), о «душе» личности (-мудр-, -зна(м)-, -вест-) и о личности «со стороны» (-грех-, -чест-, -мил-). Фиксация переоформления связанных с ними нозматических комбинаций на уровне текста «Жития» Епифания позволяет интерпретировать лексико-грамматическое содержание не только определенных высказываний, но и элементов композиционного построения.

В частности, фрагменты с употреблением сложного слова с первым элементом пуст- образуют событийно-смысловое «кольцо» в пределах линейного повествования. Сами контексты с указанными композитами в высшей степени *личные*, ведь «Пустоозеро» – место страданий и награды, ожидания смерти и последующего воскресения, лишения языка и приобретения его в виде стиля.

Естественно, предложенная статья лишь первый шаг (даже не промежуточный результат) по адаптации теоретико-методологического наследия Г.И. Богина к лингвистическому материалу XVII века. Реконструкция языковой личности Епифания Соловецкого, его нозматических комбинаций на основе всех дошедших текстов и, возможно, выход на нозматику самого церковного раскола остаются в перспективах нашего исследования.

Список литературы

1. *Zahavi D.* Husserl's Legacy: Phenomenology, Metaphysics, and Transcendental Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 2017. 236 p.
2. *Vagle D.M.* Crafting Phenomenological Research. N. Y.: Routledge, 2018. 290 p.
3. *Hermeneutics and Phenomenology: Figures and Themes* / ed. by S. Geniusas, P. Fairfield. London: Bloomsbury Publishing Plc, 2018. 224 p.
4. *Hopp W.* Phenomenology: A Contemporary Introduction. N. Y.: Routledge, 2020. 324 p.
5. *Шпет Г.Г.* Мысль и Слово. Избр. тр. М.: РОССПЭН, 2005. 688 с.
6. *Лосев А.Ф.* Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. 958 с.
7. *Богин Г.И.* Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. М.: Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001. 731 с. URL: <https://bookree.org/reader?file=599468&pg=0> (дата обращения: 08.09.2022).
8. *Бредихин С.Н., Пелевина Н.А.* Лингвокогнитивные механизмы актуализации и концептуализации идиокомпонентов картины мира. Ставрополь: Параграф, 2021. 172 с.
9. *Карманова З.Я.* Принципы феноменологической лингвистики: моногр. Калуга: ИП Стрельцов И.А., 2022. 400 с.
10. *Молчанов В.И.* Время и сознание. Критика феноменологической философии. М.: Высш. шк., 1998. 144 с.
11. *Богин Г.И.* Обретение способности понимать: работы разных лет. Т. 1. Тверь, 2009. 260 с.
12. *Богин Г.И.* Уровни языка и языковая личность // Соотношение синхронии и диахронии в языковой эволюции: тез. докл. Всесоюз. науч. конф. (Ужгород, 23–25 октября 1991 г.). М.; Ужгород: Державний вищий навчальний заклад «Ужгородський національний університет», 1991. С. 4.
13. *Новиков Л.А.* Избранные труды. Т. 1. Проблемы языкового значения. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2001. 672 с.
14. *Колесов В.В.* Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019. 776 с.
15. *Шибкова О.С.* Когнитивно-нозматическая модель репрезентации категории «КАЧЕСТВО» // Вестн. Пятигорск. гос. ун-та. 2019. № 4. С. 86–90.
16. *Флоренский П.* У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики). Т. 1. М.: Акад. проект, 2017. 684 с.
17. *Мельников Г.П.* Системная типология языков: принципы, методы, модели. М.: Наука, 2003. 395 с.
18. *Майоров А.П.* Речевое портретирование региональной языковой личности XVIII века // Слово. Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций / ред.: Н.Г. Архипова, Е.А. Оглезнева. Благовещенск: АмГУ, 2021. № 17. С. 132–146.
19. *Волкова Н.А., Ганичева С.А., Загуменнов А.В., Ильина Е.Н., Мельникова Н.Г.* Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета: моногр. Вологда; Череповец: ЧГУ, 2017. 232 с.
20. *Ворон Е.В.* Дискурсивная цифровая личность как виртуальная копия языковой личности // Современ. пед. образование. 2021. № 5. С. 193–196.
21. *Иванцова Е.В.* Функционирование речевого жанра просьбы в дискурсе диалектной языковой личности // Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. 2022. № 79. С. 40–58. DOI: [10.17223/19986645/79/3](https://doi.org/10.17223/19986645/79/3)

22. Неклюдова Е.А. Гендерные особенности грамматикона языковой личности регионального политика (на материале устных выступлений политических деятелей Вологодской области) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 2. С. 96–106. DOI: [10.37482/2687-1505-V170](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V170)
23. Николаев С.Г., Карагодская Ю.С. Взаимодействие религиозно-церковного стиля со смежными сферами: онтология и экспрессология. Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во Южн. федер. ун-та, 2022. 152 с.
24. Шпет Г.Г. Искусство как вид знания. Избр. тр. по философии культуры. М.: РОССПЭН, 2007. 710 с.

References

1. Zahavi D. *Husserl's Legacy: Phenomenology, Metaphysics, and Transcendental Philosophy*. Oxford, 2017. 236 p.
2. Vagle D.M. *Crafting Phenomenological Research*. New York, 2018. 290 p.
3. Geniusas S., Fairfield P (eds.). *Hermeneutics and Phenomenology: Figures and Themes*. London, 2018. 224 p.
4. Hopp W. *Phenomenology: A Contemporary Introduction*. New York, 2020. 324 p.
5. Shpet G.G. *Mysl' i Slovo* [Thought and Word]. Moscow, 2005. 688 p.
6. Losev A.F. *Bytie. Imya. Kosmos* [Being. Name. Cosmos]. Moscow, 1993. 958 p.
7. Bogin G.I. *Obretnie sposobnosti ponimat': Vvedenie v filologicheskuyu germenevtiku* [Gaining the Ability to Understand: Introduction to Hermeneutics]. Moscow, 2001. 731 p. Available at: <https://bookree.org/reader?file=599468&pg=0> (accessed: 8 September 2022).
8. Bredikhin S.N., Pelevina N.A. *Lingvokognitivnye mekhanizmy aktualizatsii i kontseptualizatsii idiomkomponentov kartiny mira* [Linguocognitive Mechanisms of Actualization and Conceptualization of Worldview Idiocomponents]. Stavropol, 2021. 172 p.
9. Karmanova Z.Ya. *Printsipy fenomenologicheskoy lingvistiki* [Principles of Phenomenological Linguistics]. Kaluga, 2022. 400 p.
10. Molchanov V.I. *Vremya i soznanie. Kritika fenomenologicheskoy filosofii* [Time and Consciousness. Critique of Phenomenological Philosophy]. Moscow, 1998. 144 p.
11. Bogin G.I. *Obretnie sposobnosti ponimat': raboty raznykh let* [Gaining the Ability to Understand: Works of Different Years]. Vol. 1. Tver, 2009. 260 p.
12. Bogin G.I. *Urovni yazyka i yazykovaya lichnost'* [Levels of Language and Linguistic Personality]. *Sootnoshenie sinkhronii i diakhronii v yazykovoy evolyutsii* [Correlation of Synchrony and Diachrony in Language Evolution]. Moscow, 1991, p. 4.
13. Novikov L.A. *Izbrannye trudy. T. 1. Problemy yazykovogo znacheniya* [Selected Works. Vol. 1. Issues of Linguistic Meaning]. Moscow, 2001. 672 p.
14. Kolesov V.V. *Osnovy kontseptologii* [Fundamentals of Conceptology]. St. Petersburg, 2019. 776 p.
15. Shibkova O.S. *Kognitivno-noematicheskaya model' reprezentatsii kategorii "KACHESTVO"* [A Cognitive-Noematic Model of Representation of the Category of Quality]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no. 4, pp. 86–90.
16. Florensky P. *U vodorazdelov mysli (Cherty konkretnoy metafiziki)* [At the Dividing Line of Thought (Features of Concrete Metaphysics)]. Vol. 1. Moscow, 2017. 684 p.
17. Mel'nikov G.P. *Sistemnaya tipologiya yazykov: printsipy, metody, modeli* [System Typology of Languages: Principles, Methods, Models]. Moscow, 2003. 395 p.
18. Mayorov A.P. *Rechevoe portretirovanie regional'noy yazykovoy lichnosti XVIII veka* [Speech Portraiture of the Regional Linguistic Personality of the 18th Century]. Arkhipova N.G., Oglezneva E.A. (eds.). *Slovo. Fol'klornodialektologicheskii al'manakh. Materialy nauchnykh ekspeditsiy* [Word. Folklore-Dialectological Almanac. Materials of Scientific Expeditions]. Blagoveshchensk, 2021. Iss. 17, pp. 132–146.
19. Volkova N.A., Ganicheva S.A., Zagumenov A.V., Il'ina E.N., Mel'nikova N.G. *Narodnaya rech' Vologodskogo kraja: opyt muzhskogo rechevogo portreta* [Folk Speech of the Vologda Region: The Male Speech Portrait]. Vologda 2017. 232 p.
20. Voron E.V. *Diskursivnaya tsifrovaya lichnost' kak virtual'naya kopiya yazykovoy lichnosti* [Discursive Digital Personality as a Virtual Copy of a Linguistic Personality]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*, 2021, no. 5, pp. 193–196.

21. Ivantsova E.V. Functioning of the Speech Genre of Request in the Discourse of the Dialect Language Personality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2022, no. 79, pp. 40–58 (in Russ.). DOI: [10.17223/19986645/79/3](https://doi.org/10.17223/19986645/79/3)

22. Neklyudova E.A. Gender Specifics of the Grammatical Component of the Linguistic Personality of the Local Politician (Based on the Speeches of Vologda Region Politicians). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 2, pp. 96–106. DOI: [10.37482/2687-1505-V170](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V170)

23. Nikolaev S.G., Karagodskaya Yu.S. *Vzaimodeystvie religiozno-tserkovnogo stilya so smezhnymi sferami: ontologiya i ekspressologiya* [Interaction of the Religious and Ecclesiastical Style with Related Spheres: Ontology and Expressology]. Rostov-on-Don, 2022. 152 p.

24. Shpet G.G. *Iskusstvo kak vid znaniya. Izbrannye trudy po filosofii kul'tury* [Art as a Type of Knowledge. Selected Works on the Philosophy of Culture]. Moscow, 2007. 710 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V281

Aleksandr V. Zagumennov

Vologda Theological Seminary;
ul. Monastyrskaya 2, Vologda, 160901, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2440-3918> e-mail: zaw1991@mail.ru

ON THE FORMATION OF NOEM COMBINATIONS BY MEANS OF COMPOUND WORDS: LINGUOPERSONOLOGICAL ASPECT

This article is an application of the ideas and propositions developed by G.I. Bogin (head of the Tver hermeneutic school and founder of the theory of linguistic personality) to historical linguistic material. The key concept in the study – the noema – is defined as a minimal unit of meaning, which is rarely found in its pure form, but rather in combinations with other minimal units of meaning. In the *Life* of Epiphanius of Solovki, which is presented in the *Pustozersk Collection* compiled by I.N. Zavoloko, 261 uses of compound words were detected by means of continuous sampling. Using comparison, analogy, phenomenological reduction and contextual analysis, the author obtained two sequences by the first roots. One of the sequences forms the movement from a quantitatively larger corpus of compound words to a quantitatively smaller one (*Бог-, Благ-, Рук-, Зло-/Пол-, Пуст-*), while the second, on the contrary, from the smaller to the larger one (*Добр-/Три-, Пред-/Преж-, Все-, Мног-/Жив-, Пуст-*). As a result of the steps taken, the author determined that words with the first element *Пуст-*, firstly, serve as the central component in the entire lexical corpus, and, secondly, are directly related to the linguistic personality of Epiphanius of Solovki. Further, the phenomenologically reduced second roots were grouped under three headings. After this step, the resulting semantic sets were extrapolated to contexts where compound words with the first element *Пуст-* are used. It was established that it is these compounds that are one of the semantic axes of the narrative about the torments experienced by Epiphanius during the exile.

Keywords: *compound word, noema, linguistic personality, phenomenology, hermeneutics, Epiphanius of Solovki.*

Поступила 23.02.2023
Принята 11.08.2023
Опубликована 22.09.2023

Received 23 February 2023
Accepted 11 August 2023
Published 22 September 2023

For citation: Zagumennov A.V. On the Formation of Noem Combinations by Means of Compound Words: Linguopersonological Aspect. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 53–63. DOI: 10.37482/2687-1505-V281